



# ОГЛАВЛЕНИЕ

Правая Жизнь .....	7
Нежные лица .....	20
Девушка из Нагасаки .....	35
Любовники из Будапешта .....	52
Ботинки для сумасшедшего .....	69
Сошествие в Аид .....	83
Леди Макбет зимним вечером .....	101
Бобинька .....	113
Левая нога генералиссимуса Сталина ...	127
Семь минут .....	149
Красное сторно .....	168
Искусство провенанса .....	181
Дыр бул щыл .....	200
Бобэоби .....	215
Исчерпание ресурса .....	229

Бессмертный торф .....	246
Разговор со спиной .....	260
Кукла-шмукла .....	275
Юг .....	290
Лететь и пылать .....	301
Центр и круг .....	313

## ПРАВАЯ ЖИЗНЬ



2020

— **Л**e presbytère n'a rien perdu de son charme, — сказала Шаша.  
— Ni le jardin de son éclat, — ответил я.  
«Дом священника всё так же очарователен, а сад всё так же свеж» — эта фраза служила чем-то вроде пароля в романе Гастона Леру «Тайна желтой комнаты».

Тридцать шесть лет назад мы договорились, что воспользуемся этим паролем, если одному из нас потребуется помощь в безвыходной ситуации.

За эти тридцать шесть лет и в ее, и в моей жизни случалось всякое, но ни она, ни я ни разу не прибегали к помощи мсье Леру.

— Ты где?

— У Дидима, — сказала Шаша. — На даче.

Очень хотелось спросить, что случилось, но я перевозмог себя: наверняка разговор об этом

занял бы слишком много времени, а мне не терпелось поскорее увидеть Шашу.

— Еду, — сказал я.

Она положила трубку.

Ночью я доехал бы до Новой Жизни максимум за час, но воскресным вечером тысячи машин возвращаются из торговых центров. Навигатор сообщил, что дорога займет у меня два часа двадцать минут.

Давно минули те времена, когда по МКАД можно было промчаться с ветерком: после десяти вечера на кольцевую выползают громадные фуры, которые везут в Москву мясо и собольи шубы, стальные трубы и бриллианты, леденцы и породистых лошадей, кирпич и пшеничную муку, компьютеры и коньяк. Фуры, тысячи фур с кубанскими, ростовскими, омскими, дагестанскими, польскими, немецкими, итальянскими, французскими номерами, груженные удовольствиями и развлечениями, преступлениями и наказаниями. Этот двадцатимиллионный город всё съест, переварит, рыгнет — и потребует еще, еще. Он никогда не спит, никогда не затихает, никогда не гаснет — на этот огонь летят тысячи самолетов со всего света, тысячи душ, тысячи огней, питающих великое московское пламя, пылающее на весь мир...

Миновав Рублевское шоссе, которое текло под мостом сплошной огненной рекой, я втиснулся в правый ряд и через несколько минут повернул направо, вниз, на проспект маршала Жукова, чтобы выехать на Новорижское шоссе. Не доезжая Истры, повернул на север и через полчаса остановился перед шлагбаумом.

Дачный поселок Новая Жизнь делился дорогой на две части: Правую Жизнь — если ехать из Москвы — занимали дачи профессоров, артистов, журналистов, которых жителилевой Жизни, обслуга этих дач, называли господами.

Дачный поселок стоял полупустым много лет; лишь изредка сюда наезжали покупатели, которые бродили по этим дворцам из красного кирпича, построенным в девяностых. Их владельцы давно переселились на тот свет — кто на кладбище, кто в Лондон, Тоскану или Флориду. Под давлением риелторов хозяева нехотя снижали цены с двадцати–тридцати миллионов долларов до пятнадцати, потом до пяти, но и это не помогало. Никого не привлекали все эти пошлые претензии на шик, все эти дорические колонны, бетонные львы у входа и флорентийские башенки.

Мир псевдо и квази, как русский капитализм.

Здания ветшали, причудливые бронзовые дверные ручки отваливались при малейшем прикосновении, в бассейнах селились лягушки, на балконах щегольских флигелей сторожа-таджики сушили свои халаты и трусы.

На въезде в поселок я нажал кнопку на брелоке — шлагбаум поднялся. Такие брелоки были у всех родственников и близких друзей Семьи.

Ворота усадьбы Шкуратовых были открыты.

Машина Дидима стояла вплотную к дому, свою я припарковал в углу, под каштаном, рядом с машиной Шаши и мемориальным джипом «Saab» — на таких в девяностых разъезжала продвинутая молодежь, презиравшая что пролетарские «шестерки», что бандитские «бумеры», что чиновничьи «мерины».

Над крыльцом горела яркая лампа, забранная в сетку; светилось и одно из окон кухни; второй этаж был темен.

Я сел на скамейку под навесом, закурил.

За черными ветками деревьев горело окно соседнего дома — шиферная двускатная крыша, причудливые башенки по углам.

В этом доме жила престарелая цирковая актриса Юлия Минакова, гимнастка, выступавшая под псевдонимом Джульетта Минелли.

Когда-то она была любовницей Шкуратова-старшего, а потом соблазнила и младшего.

Теперь она спала с мужчиной, годившимся ей во внуки. По вечерам они ужинают при свечах, потом пьют коньяк в эркере. После второй рюмки мужчина начинает ее раздевать. Она слабо сопротивляется и жеманным жалобным голосом просит погасить свечи. Но он неумолим и настойчив, а она бессильна перед его натиском. Отвернувшись, она закидывает голову, закрывает глаза и томно стонет, когда он опускается перед ней на колени, а потом кричит — кричит с удовольствием, во всё горло, до крови из носу.

Обо всём этом любовник подробно пишет в своем блоге, выкладывает фото и видео их забав. Администрация соцсети то и дело его банит, тысячи людей его презирают, но это только прибавляет ему популярности. У него почти миллион подписчиков, за размещение рекламы в своем блоге он берет несусветные деньги.

Актриса, которая до сих пор пользуется только стационарным дисковым телефоном, ничего об этом не знает. Она обожает своего любовника, хотя часто говорит ему, что он — лжец: «Впрочем, наша ложь говорит о нас боль-



ше, чем что бы то ни было. Твоя ложь — это ты wie er ist\*, и я это принимаю с любовью».

Об этом он тоже пишет.

Что произойдет, если она узнает о его блоге?

— Привет.

Я погасил окурок в ржавой пепельнице, подняв голову — на крыльце стояла Шаша.

— Что случилось? Ты одна? А что Грушенька?

Грушенька была помощницей по хозяйству — так официально называлась ее должность.

Словно не расслышав моих вопросов, она поцеловала меня, дрожа то ли от холода, то ли от нетерпения, то ли от страха.

— Как ты? — Я посмотрел на ее живот. — Нормально?

Она улыбнулась.

В просторной прихожей на тумбочке под зеркалом стояла глубокая чаша, наполненная фасолью. Все знали, где искать пропавшие вдруг ключи от машины или монетки, а однажды я извлек из фасоли мраморный мизинец, который подарил Шаше влюбившийся в нее немецкий археолог.

— Сюда, — сказала она, толкая дверь, ведущую в подвал.

---

\* Такой, какой ты есть. (нем.)

Подвал был огромным — здесь была устроена сауна, которой никто никогда не пользовался, бильярдная с баром, боксы для продуктов, большой холодильник и две морозильные камеры, забитые мясом и рыбой.

Миновав холодильники, мы оказались в пустом помещении, где было холодно, чисто и светло. Под потолком горел квадратный плафон, под ним на узком столе покоилось маленькое тело, укрытое грязной простыней.

— Господи, Шаша...

— Это не Дидим, — сказала она, сдергивая с тела простыню, — это она... костыль в машине...

— Какой костыль?

— Она инвалидка... что-то с ногой... был снегопад, мы сбили ее, привезли сюда, она уже не дышала, но потом он выстрелил в нее... два раза...

— Дидим?

Она кивнула.

— Зачем? Стрелять — зачем? Он был пьян?

— Который день напивается до стерильного состояния.

— Он хоть задумался о последствиях?

— Предложил избавиться от тела.

— Но он — в стороне?

Шаша пожала плечами.

— Допустим, он найдет человека, который согласится закопать тело. Но ведь ясно же, что этот человек должен быть в доску своим, тем, кто не станет шантажировать...

— Брат, — тихо сказала Шаша.

— Из его братьев только один в состоянии спрятать тело...

— И это не ты.

— Не я.

— Пойдем отсюда, замерзла как цуцик.

— Какая здесь температура? В моргах тела хранятся при температуре ниже десяти градусов...

— Поставила термостат на минус два.

— Пойдем.

Мы поднялись наверх.

Комната на втором этаже, выходившая окнами в сад, называлась материнской, но Евгения Лазаревна, мать Дидима, никогда не ночевала на даче: «Лучше мне не видеть того, на что я не смогу закрывать глаза».

Шаша с легким сердцем занимала материнскую, когда сюда приезжала, но, покидая дачу даже на день-два, забирала всё, что привозила

с собой, — книги, белье, косметику, потом мыла полы, оконные рамы, ванную, чтобы не оставлять никаких следов. В этой комнате Шаша спала в ночной рубашке до пят, а не голой, как обычно, а еще никогда не занималась здесь сексом — и Дидиму пришлось с этим смириться. «А отпечатки своих пальцев ты тоже стираешь?» — спрашивал он. Шаша игнорировала его иронию. В этой безликой комнате она не принадлежала Дидиму.

— Так что произошло, Шаша?

Шаша села в маленькое кресло и стала рассказывать; голос ее звучал глухо.

Она не сказала ни слова, когда Дидим поднял ее среди ночи, чтобы съездить за выпивкой в круглосуточный супермаркет. Промолчала, когда перед выездом со стоянки супермаркета он глотнул из горлышка. Когда на повороте смутная фигурка возникла перед капотом, и Дидим попытался остановить двухтонную машину, которая проползла метров десять и встала, — Шаша лишь откинулась на спинку сиденья и замерла, глядя на струи желтого мокрого снега, сползавшие по лобовому стеклу. Дидим шепотом чертыхался, глядя на камеру дорожного наблюдения, которая висела на столбе под фонарем метрах в тридцати–сорока от ма-

шины. Шаша хотела сказать, что камеры здесь давно отключены, но промолчала. Прежде чем выйти из машины, он надел перчатки. Обошел машину спереди, пытаясь разглядеть следы на решетке радиатора и бампере, но ничего не обнаружил. По обочине, отводя левой рукой ветки кустов, дошел до тела — семнадцать шагов — и опустился на корточки. Это была девочка лет тринадцати-четырнадцати, одетая в куртку с капюшоном, рваные джинсы и ботинки на толстой подошве. Она лежала на боку, уткнувшись лицом в снег. Худенькая, невысокая, крашенные волосы с темными корнями. Он снял перчатку, взял ее руку, сжал — никакого отклика. Неподалеку на обочине валялась какая-то палка. Это был костыль. Они вернулись к машине, открыли багажник, сдвинули пакеты с продуктами вправо, вернулись к девочке, которая по-прежнему не подавала признаков жизни. Снегопад усиливался. Дидим вдруг передумал. Он поднял тело, шагнул к деревьям, оступись, съехал на заднице в канаву, с трудом встал, прижимая девочку к груди, и двинулся в глубину леса. Шаша шла сзади, ступая след в след. Шагов через пятьдесят он остановился, огляделся, опустил тело на снег, схватил девочку за руки и втащил в яму, оставленную вывороченной